

Иван Гончаров

# ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ

Москва  
T8 RUGRAM  
2018

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Г65

**Гончаров, И.**

Г65 Превратность судьбы / И. Гончаров. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 214 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-78019-7

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) — русский писатель XIX века, литературный критик, публицист, автор романа-бестселлера «Обломов».

«Превратность судьбы» — сборник великолепных очерков и рассказов о быте и нравах России XIX века, об общественных проблемах и вопросах того времени, которые не потеряли актуальности и по сей день. Великолепный слог, лёгкость повествования, ирония и злободневность рассказов русского классика найдут отклик в душе каждого читателя.

BIC FC  
BISAC FIC000000

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                |     |
|--------------------------------|-----|
| Иван Савич Поджабрин .....     | 5   |
| Письма столичного друга        |     |
| к провинциальному жениху ..... | 111 |
| Май месяц в Петербурге .....   | 157 |
| Превратность судьбы .....      | 185 |
| Уха .....                      | 203 |



ИВАН САВИЧ  
ПОДЖАБРИН



Иван Савич сидел после обеда в вольтеровских креслах и курил сигару. Ему, по-видимому, было очень скучно. Он не знал, что делать. Для препровождения времени он то подожмет ноги под себя, то вытянет их во всю длину по ковру, то зевнет, то потянется или стряхнет в чашку кофе пепел с сигары и слушает, как он зашипит; словом, он не знал, что делать со скуки. Ехать в театр еще рано, в гостях он быть не любил. В передней храпел слуга, у ног спала собака. Всё сердило Ивана Савича, и эта досада простиралась и на лакея и на собаку. Иван Савич уже потчевал двумя пинками Диану, которая сунулась было лизать ему руку. Она, свернувшись, легла на ковер и чуть-чуть дрожала, только по временам открывала один глаз и искоса поглядывала на своего господина.

— Авдей! — закричал он.

— Че-о изволит... — впросонках пробормотал тот.

— Не храпи! Эк ты храпишь: за две комнаты слышно.

Храпенье прекратилось; место его заступила продолжительная, энергическая зевота с прибавочными звуками: Ге! Ге! Ге!

— Не зевай или зевай как следует, про себя! — закричал Иван Савич.

Воцарилось молчание, но ненадолго. Поднялся сухой, продолжительный кашель. Приятель мой пожал плечами.

— Вот, кашлять стал! Не можешь посидеть смирно? А отчего кашель? Оттого, что всё по сеням да по двору таскаешься в одном жилете. Говорил тебе: нет, не слушаешься. Ну смотри у меня и спи на дворе, а здесь я кашлять тебе не позволю.

После этого увещания оба замолчали, и Иван Савич опять принялся за свои занятия: за вытягивание и поджимание ног, за стряхивание пепла и проч.

Вдруг в зале послышались шаги Авдея. Он явился в кабинет и стал у дверей. То был низенький, плешистый, пожилой человек. Волосы у него на затылке были с проседью.

— Что тебе надо? — спросил Иван Савич.

— Я забыл вам сказать: дворник давеча говорил, что на вас хотят жаловаться...

— Кто? Кому? — с испугом спросил Иван Савич.

— Хозяину жильцы.

— Жильцы? Хозяину?

— Да-с: слышь, женскому полу проходу не даем...

— Цс! Что ты, дурак, орешь!

— Да-с. Вон этот чиновник, что против нас живет, — продолжал Авдей, — очень недоволен. Дворник говорит: как, говорит, твой барин со двора, так и жена эвтого чиновника на рынок-с с девкой идет. На что это, говорит, похоже? Муж-то, говорит, раз и пошел следом за вами и видел, говорит, как вы, вишь, вышли из переулкa да с ней рядом и пошли, и был, говорит,

очень, очень недоволен: ворчал целый день и только к вечеру утомился, и то оттого, что выпил.

— Гм! Какой варвар! — сказал Иван Савич, покачав головой, — ну?

— Еще, слышь, булочник жаловался...

— А этот на что?

— Всё, вишь, дочь его мимо наших окошек шмыгает да в кухню к нам часто заглядывает.

— В самом деле? На кого ж булочник жаловался: на меня или на дочь?

— Не могу знать.

— Так знаешь что? — сказал Иван Савич.

— Не могу знать.

— Ищи поскорей другую квартиру.

— Опять! — горестно сказал Авдей. — Давно ли переменили.

— Давно ли! Что ж делать: ты сам видишь, что нам житья здесь нет: притесняют. Долго ли до беды? Ищи!

— Этакую квартиру менять! — сказал Авдей, — и сарай, и ледничек особый...

— Вот еще! Зачем нам ледничек! Мы дома не стряпаем, впрок ничего не запасаем.

— Как зачем-с? Неровно пригодится. Вот раз дыню на лед клали... Мало ли зачем?

— Нет, ищи! Да мне эта квартира и надоела. Я уж всех здесь знаю; все наскучили. Не с кем пожуировать жизнью.

— А Марья Михайловна?..

— Ну уж дрянью-то! Ищи!

— Побойтесь Бога, Иван Савич, — сказал Авдей, — грешно, право, грешно.

— Полно! — с досадой возразил Иван Савич. — Потвоему, не пожуйруй! Сиди вот этак с тобой да с Дианкой дома: не с кем слова сказать. Да еще пожалуются — беда выйдет, пристанут! Ищи. Да смотри, чтоб окна выходили на улицу и на двор. А если где заметишь в доме... понимаешь?.. Того... так хоть на улицу и не будет окошек, нужды нет.

Ежедневный образ жизни Ивана Савича, как нынешние драмы, разделялся на три картины. Утро в должности. Это он называл серьезными занятиями, хотя иногда сидел там, ничего не делая. Обед в трактире, часто с приятелями. Тогда обедали шумно и напились обыкновенно пьяны. Это называлось кутить и считалось делом большой важности. Вечер или в театре, или в обществе какой-нибудь соседки. Последнее значило у Ивана Савича и подобных ему жуировать жизнью. Выше и лучше этого он ничего не знал. Родители оставили ему небольшое состояние и познакомили его с порядочными людьми. Но он нашел, что знакомство с ними — сухая материя, и мало-помалу оставил их. Книг он не читал, хотя учился в каком-то учебном заведении. Но дух науки пронесся над его головой, не осенив ее крылом своим и не пробудив в нем любознательности. Каким он вступил в учебное заведение, таким и вышел, хотя, по заведенному в этом заведении похвальному обычаю, получил при выходе похвальный лист за прилежание, успехи и благонравное поведение.